

Байкал, мыс Рытый

Это моя история.

И она — только для меня.

Я бы с удовольствием поделился ею — своей историей, с широкой публикой, ведь она в должной мере интересна и поучительна, однако пока получается так, что я навсегда останусь единственным читателем и единственным критиком литературного произведения, которое каждый вечер читаю перед сном. В своей голове. Читаю по несколько страниц книги, которая никогда не будет написана.

Книги о моей жизни.

Её не существует, но я держу её в руках, чувствуя приятную тяжесть «толстого» романа, вдыхаю ни с чем не сравнимый запах только что пришедшего из типографии тома и улыбаюсь, проводя пальцами по обложке. Я не могу увидеть её в деталях, ведь я не художник, знаю только, что обложка строгая, но привлекающая внимание. Я доволен ею и люблюсь всякий раз, когда книга оказывается в моих руках, то есть каждый вечер. Я открываю книгу каждый вечер, но не специально — так получается само, благодаря давным-давно появившейся привычке. Каждый вечер я открываю книгу и читаю свою жизнь. Не перечитываю подряд, от корки до корки, а перелистываю страницы, выбирая отдельные эпизоды или главы, в зависимости от настроения, и погружаюсь в них. В прошлое, ставшее буквами на страницах неизданной книги.

Моей книги.

Которая никогда не будет написана.

Я так и не стал поклонником компьютерных игр, хотя когда-то увлекался ими, как многие мои друзья и сверстники. Я смотрю только нашумевшие фильмы и сериалы —

исключительно для того, чтобы поддерживать бессмысленные, но нужные светские беседы. Я люблю театр, но придирчив к актёрской игре и оригинальности пьесы, терпеть не могу нелепое «осовременивание», когда классические пьесы бездарными постановками обращают в глупый фарс, и потому посещаю театры не часто. И книги постепенно превратились для меня в главное и любимое времяпрепровождение. Я на них не зациклен, но читаю много, выбирая не то, что на слуху, а то, что по душе, и старательно избегаю мемуаров, особенно от ещё живых авторов — чтобы не «наслаждаться» безудержным самолюбованием, перемешанным с публичным перетряхиванием грязного белья, что так нравится широкой публике. Кроме того, в мире не осталось людей, историю жизни которых мне хотелось бы знать, тем более в их собственном исполнении. И тут возникает забавная коллизия, поскольку мою книгу можно назвать именно мемуарами. А я читаю её каждый вечер... Без самолюбования, но с большим интересом. Вновь и вновь переживая эпизоды, из которых сложена моя жизнь. Честно описанные эпизоды: поверьте, этот нюанс необычайно важен. Я не выставляю себя в выгодном свете, не пытаюсь ни за что оправдаться и не скрываю того, чего стыжусь — ведь каждому есть чего стыдиться. Я рассказываю как есть, поскольку искренность — основное и единственное достоинство мемуаров. Моя книга искренняя, и поэтому она никогда не будет напечатана.

В ней слишком много признаний, которые нельзя делать.

В ней слишком много деталей, которые нельзя обнародовать.

В ней слишком много эпизодов, о которых должны знать только их участники.

И сейчас я пишу для своей книги ещё один такой эпизод.

Я поворачиваю голову и смотрю на мужчину лет сорока или сорока пяти, сидящего слева от меня. Я не знаю, как его зовут, и никогда не узнаю. Я вижу его лицо — круглое, мясистое лицо простого человека, вижу привычные к труду руки и предполагаю, что его зовут Степан. Не знаю

зачем предполагаю, возможно, именно потому, что это не имеет никакого значения. Мужчина одет по-походному: синяя непродуваемая куртка с большим количеством карманов, тёмно-зелёные рабочие штаны на лямках и коричневые непромокаемые ботинки. Одежда не новая, но добротная. Как и рюкзак. Мужчина спиной привалился к камню, а правым боком — на рюкзак. Он даже не сидит, а полулежит, и если бы не свесилась на грудь голова, можно было подумать, что он любит невидимым в ночи Байкалом.

Мужчина кажется спящим, присевшим отдохнуть и задремавшим после долгого перехода, но это не так. Мужчина двадцать минут как мёртв.

Это я его убил.

6 августа, суббота

— Это уже Иркутск, да?

Учитывая, что прошло минут двадцать с тех пор, как самолёт стал снижаться, причём именно Иркутск являлся конечной точкой маршрута, вопрос сидящей у иллюминатора девушки прозвучал несколько странно. Однако её сосед, усатый мужчина в светлой рубашке-поло, улыбнулся и подтвердил:

— Совершенно верно, Лера, вы видите Иркутск. Но пока пригороды, если можно так выразиться.

— А где Байкал? — продолжила расспросы девушка, разглядывая землю с высоты птичьего полёта. — С той стороны, да? Я выбрала место с неправильной стороны? Нужно было садиться справа?

Вопросы на мгновение поставили собеседника в тупик, но затем мужчина догадался, что до сих пор Иркутск оставался для темноволосой красавицы лишь точкой на карте, не более, причём на карте мелкого масштаба, на которой город казался расположенным совсем рядом с озером, и через секунду Лера подтвердила его догадку:

— Я всегда думала, что Иркутск стоит на Байкале.

Ну, да, точно, карта мелкого масштаба, а возможно, вообще глобус и большая точка на нём. География редко становится для школьников любимым предметом, а уж география родной страны — тем более. Девушка же была совсем молоденькой, окончившей школу год или два назад, и училась она, судя по вопросам, не то чтобы хорошо. Во всяком случае, географии.

— Иркутск стоит на Ангаре, — нашёлся наконец мужчина. И на всякий случай добавил: — Ангара — это река.

— А Байкал?

— Байкал — озеро. Самое глубокое на Земле.

— Это я знаю, — отрезала девушка. — Где оно? Почему не видно, раз оно очень большое? Реки я видела, а Байкал где? С той стороны самолёта? Я ведь об этом спрашиваю, неужели непонятно?

Мужчина замолчал, потому что ему как раз всё стало понятно, и в разговор вступил третий попутчик — сидящий у прохода парень в чёрной футболке.

— От Иркутска до Байкала примерно семьдесят километров. Это до Листвянки.

— Что такое Листвянка? — поинтересовалась Лера. То ли девушка не считала контекст, то ли не захотела считывать.

— Листвянка — это посёлок, — ответил парень. — Он находится в том месте, где Ангара вытекает из Байкала.

— Как неожиданно, — подняла брови Лера. — Я думала, Ангара в него впадает. Это ведь реки впадают в моря и озёра, разве нет?

— Ну... — Молодой человек широко улыбнулся — а что ещё ему оставалось? — и ответил уклончиво: — Иногда случается наоборот.

Усатый кашлянул и опустил голову.

Парень же продолжил смотреть попутчице в глаза.

Он заприметил симпатичную девушку ещё в зале ожидания Шереметьева, чуть не задохнулся от радости, увидев, что они с Лерой оказались соседями по ряду, но не сумел завязать знакомство: девушка сухо представилась, исключительно из вежливости ответив на его предложение познакомиться, затем попросила у стюардессы плед, предупредив, что есть не будет, отвернулась к иллюминатору и сладко проспала всё путешествие, что удаётся далеко не всем. Леру разбудила стюардесса — когда самолёт пошёл на снижение, и у молодого человека оставалось совсем мало времени, чтобы произвести на попутчицу впечатление.

— А почему они не построили Иркутск на Байкале? — продолжила расспросы девушка. — Было бы красиво: там озеро, там город. И река вытекает отсюда — туда. Можно

было бы поставить мост, такой же, как во Флоренции — с разными магазинами, лавками, спа-салонами и пускать на него туристов. Можно за деньги, а можно и так, чтобы покупали что-нибудь. В Иркутске есть мосты?

Мужчины переглянулись, после чего усатый неуверенно ответил:

— Да. — Очень неуверенно, поскольку после высказываний попутчицы он уже ни в чём не был уверен, даже в существовании моста, по которому каждое утро ездил на работу.

— Видите, построили мосты, но не там, где это имело смысл. — Девушка вздохнула. — Всё у нас так: ничего не могут заранее как следует продумать. Чтобы на века, как во Флоренции. И не приходилось потом спрашивать, почему так получилось?

— Ну... — Молодому человеку очень хотелось сказать то, что он думает, но поскольку надежда на интересное знакомство всё ещё сохранялась, он выбрал нейтральную тему для продолжения разговора: — Лера, вы надолго в Иркутск?

— Пока не знаю, — после короткой паузы ответила девушка.

— По работе?

— К жениху.

Ответ должен был смутить собеседника, однако молодой человек не сдался, решив, что столь незатейливым способом его пытаются отшить.

— Сами из Москвы?

— Разве не похоже, что я из Иркутска? — удивилась Лера.

Конечно, не похоже, особенно в свете только что состоявшегося диалога. Однако ответил молодой человек дипломатично, в последний раз попытавшись прорвать оборону понравившейся красотки:

— По вам видно, что вы из столицы.

— А вы внимательный, — рассмеялась девушка. — Я — из столицы, как и мой жених. Он здесь в командировке.

Второе упоминание мужчины, сделанное нарочито уверенным тоном, поставило крест на надеждах парня. Усатый, с интересом прислушивавшийся к разговору, сочувственно вздохнул, а молодой человек грустно уточнил:

— Решили не дожидаться его дома?

— Не терпелось увидеться.

— Повезло ему...

— Ну и надо же где-то начинать отпуск, — продолжила девушка, оставив без комментариев последнее замечание. — Почему не на Байкале?

— Понятно.

И сам ответ, и тон, которым он был произнесён, показали, что знакомства не будет. Ни слова больше.

После приземления молодой человек выскочил из самолёта одним из первых. За ним последовал усатый, бросив напоследок: «Всего хорошего». Девушка же спешить не стала. Осталась в кресле, разглядывая через иллюминатор нехитрый аэропортовский пейзаж и изредка бросая взгляды на толкающихся пассажиров, вышла последней, забрала багаж — большой чемодан ей помог снять с ленты усатый попутчик, и вышла в зал.

— Аркадий!

— Лера!

Разумеется, он встречал её с цветами, как иначе? И, разумеется, сначала обнял и покружил в воздухе. И крепко поцеловал.

— Наконец-то!

Идеальная встреча, как в кино.

— Я очень рада тебя видеть, — прошептала девушка, немножко удивляясь тому, что говорит правду, что действительно влюбилась в этого обаятельного, весёлого и умного мужчину. К тому же — отличного любовника. Влюбилась по-настоящему. Влюбилась настолько, что примчалась к нему через всю страну.

— А я — счастлив. Счастлив видеть тебя. — Аркадий вновь поцеловал девушку. — Счастлив, что ты прилетела... ко мне.

— К тебе.

Они не могли оторваться друг от друга и долго, минут пять, просто стояли посреди небольшого зала аэропорта, не обращая внимания на спящих вокруг людей. Они соскучились. Они, наконец-то, встретились. И окружающий мир исчез из их восприятия.

Минут на пять. Примерно...

А затем Аркадий посмотрел на чемодан и шутивым тоном осведомился:

— Это весь твой багаж?

— Я належке, — рассмеялась в ответ Лера. — Если что-то понадобится...

— У тебя это будет, — не дал ей закончить Аркадий. — У тебя будет всё, что ты захочешь.

— А если я захочу много?

— Значит, будет много.

Деньги у него водились, это девушка поняла при первой же встрече. Аркадий ими не швырялся, тратил столько, сколько нужно, со спокойным достоинством, и было видно, что тратит не последнее. А вот машина — здесь — оказалась скромной, всего лишь «Toyota Camry», и без водителя.

— Таковую выдали, — усмехнулся Аркадий, перехватив взгляд Леры. — А водителя я на сегодня отпустил.

— Чтобы он не мешал?

— Чтобы он не увидел, как я набрасываюсь на тебя на заднем сиденье.

— А ты собираешься наброситься на меня на заднем сиденье?

— Набросился бы. Поэтому и сел за руль.

Она счастливо засмеялась и вновь поцеловала мужчину. Очень крепко. Многообещающе.

Августовская ночь опускается быстро и всегда темна. Её переполняет предосенний мрак, густой, как чёрные мысли, и ожидание скорого холода. Но именно ожидание, потому

что в начале месяца августовская ночь ещё тепла, согретая жарким июлем и таинственно улыбается, обещая привычные летние приключения. Но под пологом совсем не летней тьмы. Глубокой тьмы, в которой звёзды кажутся особенно яркими, особенно — падающие звёзды, а ожидание близкой осени обостряет чувства до отточенности опасной бритвы.

Август именно такой.

И в чернильной тишине его ночей можно с беспечной лёгкостью творить всё, что угодно. Абсолютно всё...

— Чего ты копаешься? — громко спросил Шумахер.

Бочка остановился, тяжело опёрся на лопату, задрал голову, пару секунд раздумывал над неожиданным вопросом, после чего догадался:

— Ты прикальываешься, что ли?

— Это игра слов, — объяснил Шумахер. — Согласись — удачная.

И расхохотался. Стоящие рядом девушки Шумахера поддержали, но приглушённо — атмосфера их немного нервировала. Нет, не мистическое дыхание августовской ночи, а разрытая могила на старом иркутском кладбище, возле которой они стояли. Осквернённая могила нервировала, но одновременно возбуждала, вызывая ощущение соучастия в недозволенном, даже преступном действии, идущем вразрез с законом и моралью. Возбуждала запретным, может, не очень желанным, но сладким плодом, вкус которого ярко оттенял принятый недавно алкоголь. Возбуждала тем, что они плюнули на общепринятое, почувствовав себя сильными. И свободными. Готовыми на всё.

Съевшими запретный плод.

Однако его сладость не затуманила голову, заставив забыть обо всём на свете, в смехе девушек слышались нервные нотки, распознав которые, Шумахер понял, что действие алкоголя ослабевает, и протянул подругам початую бутылку:

— Согрейтесь.

— С удовольствием!

Первой выпила Ангелина, за ней большой глоток виски сделала Кристина, вытерла губы тыльной стороной ладони и громко рассмеялась:

— А ведь и правда игра слов! Забавная!

На этот раз её смех звучал намного естественней, чем пару минут назад, что вызвало у Шумахера довольную улыбку.

— Кому смешно, а кому не очень, — проворчал из ямы вернувшийся к работе Бочка.

— Ты сам предложил развлечься, — напомнил Шумахер.

— Я был пьян.

— Теперь протрезвел?

— Вполне.

— А мне тут нравится, — неожиданно произнесла вновь приложившаяся к бутылке Ангелина.

Шумахер улыбнулся ещё шире, но прокомментировать заявление не успел.

— Сначала, конечно, показалось странным, но теперь... — Ангелина сделала ещё один глоток, отдала бутылку подруге и облокотилась на ближайший надгробный камень. — Сфотографируй меня!

Кристина рассмеялась.

Девушки знали, что Бочка и Шумахер периодически «навещают» кладбища, но впервые оказались на их «развлечении». Были с ними, когда Бочка вдруг предложил «докопаться до какой-нибудь могилы», и с радостью согласились составить ребятам компанию в их предприятии. Из-за любопытства и, конечно, изрядно выпитого. Трезвея, начали нервничать, но сейчас, по мере того как алкоголь восстанавливал утраченные позиции, девушки окончательно раскрепостились: бродили меж могил, тыкали пальцами в «смешные», на их взгляд, фамилии, пинали венки, сломали старый крест и покрасили несколько фотографий чёрной краской, воспользовавшись прихваченным Бочкой баллончиком — раскопка могилы дело небыстрое, время у девушек было.

— Сфотографируй меня!

Шумахер поднял мощный фотоаппарат и сделал несколько кадров. Потом ещё. И ещё. Девушка постепенно заводилась, и кадры становились всё более и более «горячими».

— Нравится? — спросила Ангелина, поднимая руки так, чтобы застёгнутая на одну пуговицу блузка открыла чёрный бюстгальтер.

— Ты же знаешь, что да.

— Тогда не останавливайся.

— Что ты имеешь в виду?

— Фотографируй! — Ангелина дождалась очередной вспышки, расстегнула блузку и поставила ногу на невысокую могильную плиту. — И так!

— С удовольствием. — Шумахер сделал несколько снимков, подошёл к девушке и мягко провёл рукой по её бедру.

Ангелина прильнула к молодому мужчине и крепко поцеловала в губы. Крепко и горячо. И так долго, что сделавшая ещё глоток виски Кристина рассмеялась и спросила:

— Вас сфотографировать?

— Лучше сразу видео, — пробормотал увлечённый Шумахер, чьи руки мягко скользили по телу девушки.

— Пошла жара, — прокомментировала Кристина.

Ангелина захихикала, но в этот момент штык лопаты ударился во что-то твёрдое и Бочка сообщил:

— Докопался.

— Быстро ты... — с лёгким сожалением протянул Шумахер, поцеловал Ангелину и вернулся к могиле: — Гроб?

— Гроб, гроб, — подтвердил Бочка. — На кой ляд они его так глубоко зарыли? Заколебёшься, пока докопаешься.

— Надо было человека нанять, — хихикнула Ангелина, поправляя задранный Шумахером бюстгальтер.

— Вижу, вы время зря не теряли, — заметил Бочка.

— Выбирайся из ямы — и тебе достанется.

— Обещаешь?

— Конечно, милый.

— Это старая могила? — неожиданно спросила Кристина.